

Нинон

Матушка Олимпиада истово читала басом. Зеркала были завешаны. Вокруг Нинон были расставлены притащенные из ее комнаты растения: мирт, лавр, эвкалипт, кипарис... Вчера она была нехороша, а сегодня распухла, морщины растянулись, и все находили, что она стала очень интересной.

Мари сидела неподвижно в уголке дивана, маленькая, седенькая, с трясущимися розовыми щеками, держа у носика надушенный платок.

Стуча палкой, вошла Барб Собакина, костлявая, с седыми усами и бородой, и перекрестилась на иконы.

- Здравствуйте, матушка Марья Петровна, - сказала она неестественным, ханжеским голосом: - Какое горе!.. Узнаёте меня?

Мари сконфузилась, заморгала и пролепетала: - Как же, как же...

- Хорошие люди, видно, и там нужны, - пропела Барб, покрестилась около Нинон, прошептала на всю комнату: - Какая интересная! - и притворным голосом затараторила, идя к дивану:

- Кружевцо у ней на чепчике!.. Научите, матушка. Простите, понимаю, что теперь не время, но мы так... - Она нагнулась и заглянула Мари в глаза: - не часто видимся... Как это вяжут?

Мари, смущенная, смотрела. Барб стояла перед ней, навалившись на палку, и выжидательно глядела.

- Тогда не здесь, - пробормотала Мари. - Может быть, пройдет в мою комнату?

- Семь петель делается на воздух, - суетливо объясняла она на ходу, отодвигая драпировки и толкая двери. - На воздух... Столбиком... да, вот, здесь, в сундуке, образчик...

Синяя лампадка горела у икон. На столике под ними две маленькие розы без ножек плавали в блюдечке. Почти не слышно было через несколько стен, как матушка Олимпиада бубнит по-славянски над ухом Нинон. Старухи сидели на скамеечках перед раскрытыми сундуками, перебирали куски кружев, вышивки, рассматривали их на свет, прикидывали их на черное, на красное и бормотали: - С накидкой... шашечкой... французский шов... - Мари взглянула на гостью, порылась, достала темную полированную шкатулочку, сняла через голову маленький ключик на черном шнурке и открыла.

- Барб, - сказала она и подала ей маленькую коричневую фотографию.

- Мари...

- Барб... сорок лет...

- Мари, вы знаете...

- Барб, это она... Утром, не успеешь причесаться, уже шипит: - Берегись ее, Мари! У нее на уме какие-то пакости. Она тебе натянет нос... - Трубила, трубила... а я...

- Я так и знала, - сказала Барб и засмеялась. - Как услышала сегодня, сейчас же взяла палку и явилась.

Мари захихикала. - Лежит кверху носом! Раздулась, как утопленник, а все - такая интересная, такая интересная!.. - И ты, Барб, тоже.

- Мари... глупенькая...

Они тихонько смеялись беззубыми ртами, и своими страшными коричнево-лиловыми руками Барб нежно гладила страшные ручки Мари и мутными белесыми глазами глядела в ее мутные белесые глаза.

- Ты все такая же хорошенькая, Барб...

- И ты, Мари...

- У тебя и тогда были маленькие усики и на щеках - пушочек... А помнишь, нас вели прикладываться, ты поправляла сзади пуговку, и я взяла тебя за пальцы...

- Да... Ах, Мари...

- Барб, помнишь...

Темнело. Горела лампадка. Розы в блюдечке пахли сильнее. Перед раскрытым сундуком валялось на полу белье. Старухи, улыбающиеся, умиленные, сидели на кровати. Матушка Олимпиада отворила дверь и позвала на панихиду.

- Сейчас, - сказала ей Мари. - Идите... Варенька, пойдем, бог с ними...

- Да, пойдем, бог с ними, - ответила Барб с счастливой улыбкой и подняла свою палку.

Они, обнявшись, медленно пошли по коридору. - Варенька, - мечтательно произнесла Мари, - а сколько счастья было бы у нас с тобой за сорок лет... Зажми нос, Варенька, - прибавила она злорадно, открывая дверь в гостиную.

Нинон лежала между тремя церковными подсвечниками, окруженная собственноручно возвращенными в кадках эвкалиптами и лаврами и еще больше распухшая.

Гости, делая постные лица, говорили о ее твердом характере и о том, что она стала еще интересней: еще пополнела, помолодела и стала еще интересней. Мари с достоинством кивала головой, и ей хотелось подмигнуть, хихикнуть, высунуть язык. Она тихонько тронула Барб за руку, и Барб, счастливая, удерживая смех, пожала ее пальцы.